

*Памяти Владислава Крапивина,
одного из любимых писателей моего далекого детства*

Всякий человек хочет, чтобы жизнь была прекрасна — и легка.

И она прекрасна, мальчуган, она чертовски прекрасна — но не легка.

Марджори Киннан Ролингс,
Сверстники

Глава 1

ИСПЫТАНИЯ

В квадратном зале, щедро освещенном сквозь пыльные стрельчатые окна полуденным солнышком, стояли привычные Школярам запахи: пахло чернилами, старой бумагой, ношенными ботинками. Царила тишина, как обычно бывает, когда вышедший на испытание Школяр садится на свое место, а следующего еще не выкликнули. Застыла в молчании дюжина Титоров у правой стены. Им, как и Школярам, на квартальном испытании предписывалось сохранять невозмутимость, но на лицах пятерых все же можно было прочесть затаенное облегчение: их подопечные уже ответили. Соответственным образом, остальные семеро выглядели чуточку напряженными.

Картина была привычная для Школяров, пришедших на предпоследнее испытание из дюжины. На небольшом возвышении за темным столом в виде коробки восседали трое испытателей — как

и положено, в сиреневых (цвет учености) япанчах¹ с широкими отложными воротниками и круглых беретях с золотой узорчатой каймой шириной пальца в два. Стопа фолиантов в разноцветных кожаных переплетах, лежавшая слева — Школяры знали, — выложена исключительно для того, чтобы внушать уважение к книжной премудрости и высокой учености: то, что там написано, пожалуй, не всякий студизус знает, что уж говорить о Школярах!

Справа, на приступочке у стола, помещался гонг, подвешенный на цепочке на высоком стержне, и рядом стоял в готовности невзрачный служитель — как ему и полагалось, тоже в япанче, но коротенькой, едва прикрывавшей тощую, обтянутую черными портками задницу, и в четырехугольном беретишке. Держал наготове длинную бронзовую палочку. Он здесь был самый низший (если не считать поролящика), но пыжился более всех — как-никак полноправный член Собрания! Это ему позволяло с нескрываемым превосходством взирать на Школяров и с гораздо более скрытым высокомерием — на Титоров: он служил при Квартальном Школариуме, а Титоры — в Уличных и Пучковых², вот служитель безо всяких на то оснований в глубине души и считал себя выше, хоть и никогда не заикнулся бы о таком вслух...

Пауза затянулась. Без сомнения — Тарик давно знал по собственному опыту, — в душе скучают выдержавшие испытание Школяры и их Титоры, но показывать это лицом, конечно, не полагается. И уж тем более скучают Наставники, вынужденные в сотый раз выслушивать одно и то же, — но он еще в жизни не видел Наставника, допустившего бы на физиономию и тень потаенных чувств: Наставники превосходно умели оставаться бесстрастными, не хуже ликов статуй. Служитель — тут уж, конечно, и к бабке-ворожке не ходи — упивался происходящим: еще бы, ему удавалось сыграть хоть какую-то роль в церемонии. Единственный, кто себе мог позволить

¹ Япанча — плащ с пелериной, присвоенный Ученому Собранию.

² Большой город делится на несколько кварталов (в столице, где происходит действие, их двенадцать), кварталы — на улицы (если те длинные) и пучки — несколько улиц покороче.

проявить откровенную скуку (благо сидел затылком к Наставникам), — здешний порольщик. Вот уж кто обречен был на лютую скуку. Сидел, грустно ссутулившись, у «кобылы» — широченной наказательной лавки. «Кобылы» в обычных Школариумах выглядели совершенно иначе: отполированы брюхами многих поколений Школяров так, что аж сверкали. А здешняя темнела ненатертым деревом. Это понятно: на квартальные испытания попадали отличные ученики; о том, что кого-то в квартале выпороли, ходили лишь жуткие легенды, которым мало кто верил, даже Птенцы...³

Ради скоротания скуки Тарик в воображении дал прозвища всем трим восседавшим за столом. Есть же поговорка, которую Школяры узнают в первый день: «Не бывает коня без копыта, а Титора без прозвища». То, что Наставники стояли выше Титоров, дела не меняло...

Это было нетрудно: Брюзга, Пузан и Никакой. Брюзга сухой как жердь, на голову выше двух остальных, с ввалившимися щеками, тонкими бледными губами и недовольным всем на свете лицом то ли неподвластного никаким человеческим чувствам нелюдима, то ли одержимого жральными червями⁴ страдальца. Пузан — полная ему противоположность: с объемистым чревом любителя вкусно поесть и хорошо выпить, с пухлыми, как у младенца, пальцами и толстощекой красной физиономией. А Никакой именно что никакой: не высокий и не низкий, не молодой и не старый, не худой и не толстый, с лицом невыразительным, как чистая школярская доска. Временами он казался деревянной статуей, неизвестно зачем усаженной в почетное кресло.

Брюзга величественно кивнул — и воспрянувший служитель с размаху ударил в гонг. Чистый бронзовый звон волной прокатился

³ Птенцами принято называть Школяров первого месяца обучения. Окончившие год (в Школариуме учатся два года) зовутся Годочками, выдержавшие предпоследнее испытание, уже квартальное, — Почтенными. После шестого испытания и до посвящения в Подмастерья Школяры именуется Матерущими.

⁴ Жральные черви — глисты.

по залу над головами сидящих. Служитель возгласил так торжественно, словно оглашал новый королевский указ:

— Черат Тагодеро, Третий Школяриум!

К выложенному коричневыми камешками кругу, чуть вздымавшемуся над темными досками пола, довольно уверенно направился рослый Школяр. Тарик его не знал, как и остальных, но сделать кое-какие выводы было нетрудно. Единственный из Школяров, этот Тагодеро щеголял не просто в суконном форменном кафтанчике: одежда у него из кадафаса, самого тонкого и дорогого сукна из дозволявшихся Школярам. Папаня у него, надо понимать, ох какой денежный. В Школяриумах таких звали Щеголями. Иногда они бывали хорошими товарищами: подсказывали не хуже прочих, кружились во всех школярских проказах, — а иногда строили из себя, задирали нос, держались своей тесной кучкой...

К стоявшему с беретом под мышкой Школяру шустро подрысил служитель и подсунул ему мешок, сжав горловину так, что туда могла пролезть лишь мальчуганская рука и ничего подсмотреть не удавалось. Школяр запустил руку в мешок. Легонький стук перебираемых деревянных фишек с символами лекционных⁵ продолжался недолго — значит, Щеголь уверен в себе: иные это дело затягивают. Шагнул вперед, положил фишку перед Брюзгой и вернулся в круг.

— Что тут у нас... — протянул Брюзга. — Мироустройство... Не самый трудный лекцион, требует лишь хорошей памяти, но жребий есть жребий, начальством утверждено... Скажи-ка нам, Школяр, что такое Большой Круг...⁶

«Вот это так свезло щеголю», — не без зависти подумал Тарик. Такое и Птенцы быстро заучивают, а уж попавший на квартальное испытание, а значит, заработавший на прежних четыре золотых совы⁷... Все равно что спросить, сколько ног у кошки.

⁵ Лекцион — изучаемый предмет.

⁶ Большой Круг — экватор, мироустройство — география.

⁷ По итогам каждого испытания Школяр получает сову на грудь — белую, красную либо золотую.

К его удивлению, стояло молчание. А еще больше он удивился, когда услышал голос:

— Ну, это... Все равно как ремень на брюхе...

Вот это пентюх! Правильный ответ звучал так: «Большой Круг — самый большой пояс нашего мира, обнимающий наш мир ровно посередине...»

Голос Брюзги звучал жестко:

— Сколько Архипелагов в Морях Большого Круга?

— Ну, это... Два вроде...

«Четыре, болван!» — мысленно воскликнул Тарик. Уж такого-то не знать... Необязательно помнить все острова, но для хорошего ответа надо знать главные. Сейчас Брюзга это и спросит — а Щеголь, уж ясно, будет бекать и мекать. Точно: Папенькино Чадо... Надо же, и на квартальные испытания лезут неучи...

— Куда же еще два делись — совершенно непонятно, — протянул Брюзга с язвительностью, которую Тарик вполне разделял. — Никто не сообщал, что они вдруг провалились в море... Ну что же... Скажи-ка нам, Школяр, какой образ имеет наш мир?

— Ну, это... Кругляшок навроде монетки...

Вот это дуболом! «Мир наш сотворен Создателем так, что имеет образ шара».

— Ах, наподобие монетки... — вовсе уж зловеще протянул Брюзга. — И где же покоится наш мир?

— Ну, это... в бескрайнем море, которое без берегов...

Тарик невольно зажмурился на миг: показалось, что сейчас грянет гром, разгневанный Создатель ниспошлет молнию с небес — и останется от Щеголя один пепел... ну, может, еще и башмаки — тоже фасонные, из тонкой кожи. «Мир наш подвешен Создателем ни на чем в бесконечном синем воздухе».

Молния не обрушилась, и гром не грянул. Рассуждая, быть может, вольнодумно, можно заключить, что не станет всевидящий и всемогущий Создатель карать огнем небесным такую вот блоху. Отец Михалик что-то такое говорил не так давно: Создатель, мол, глух к мелким проступкам...

Кажется, все ясно, даже скучно делается. В каждом Школариуме сыщется кучка Папенькиных Чадушек. В лекциях, какой ни возьми, они ни в зуб ногой, но богатенькие папеньки ясным всем манером улецают Титоров, и детки не просто успешно проходят испытания — золотых сов получают. Правда, прилику ради не вместе с остальными, на испытаниях таких под удобным предлогом оставляют без совы, откладывая вручение на потом — а потом Папенькины Чада появляются с золотенькими птушками и расхаживают с ними безо всякого стеснения. Значит, и на квартальных испытаниях то же самое, правду Куталер-Проныра говорил.

— Что думаете, друзья? — обратился Брюзга сначала к Пузану, потом к Никакому.

— Отложить решение на потом, — незамедлительно ответил Пузан, и Никакой согласно кивнул.

«Ну, так и есть, — подумал Тарик, — в точности как в нашем Школариуме: отложат на потом, а там Щеголь появится с золотой совушкой. Здесь даже проще: никого из соучеников Щеголя нет...»

— Отчего же у тебя столь скверные познания в мироустройстве, Школяр? — с нехорошей вкрадчивостью осведомился Брюзга.

— Ну, это... Папаня говорит, нам мироустройство ни к чему, незачем оно в нашем мастерстве...

— Великолепно! — трескуче расхохотался Брюзга. — Ни к чему мироустройство... — И безо всякого перехода завопил: — Да как у тебя язык повернулся, недомерок, такое вымолвить? Добро бы речь зашла про циферный счет или там чтение, но ляпнуть такое о мироустройстве! Как у тебя совести хватило, невежа, башка деревянная?!

Внезапно он вскочил, выпрямился во весь свой немаленький рост, воздел костлявую руку так, что япанча съехала на левое плечо и повисла на скреплявшей ее цепочке с гравированным на бляхе символом Собрания — совой с распростертыми крыльями. И закричал так пронзительно, что у Тарика аж в ушах зазвенело:

— Мироописание — законная гордость нашего славного королевства Арелат, королева всех наук! Ибо в те времена, когда пресловутый ученый мир всех прочих держав коснел во мраке невежества, наш великий мироописатель Гаремат Карарий, вдохновленный Создателем, установил истинный облик нашего мира! Пока именовавшие себя учеными варвары полагали наш мир кругляшком вроде монетки, плавающим в некоем бескрайнем океане, Гаремат явил людям истину: мир наш шарообразен и подвешен Создателем ни на чем! И донес эту истину в самые глухие уголки мира! За что в бессильной злобе и ревности был убит выползнями наших зловередных соседей, но повстал ныне в виде монументов...

Он витийствовал так, словно стоял на самой большой площади столицы, Королевской, вмещавшей, говорил Титор, шесть раз по тысяче человек и еще полстолька, и площадь та была забита людьми, слушавшими в почтительном молчании. Положим, и в квадратном зале царило почтительное молчание, но слушателей здесь было всего две дюжины да еще пять голов, а это, подумал Тарик, убавляло торжественности...

— Кто привел сюда этого... эту... Титор, встать!

Справа от Тарика скрипнул отодвинутый стул.

— Ах, вот он, виновник торжества! — саркастически захохотал Брюзга. — Ну-ка признавайтесь, хороший мой, чему в вашем Школариуме учат и как? Каким вообще волшебством означенный неуч попал на квартальные испытания? Каким чудом заполучил четыре золотых совы? Как оказалось возможно, чтобы такой дубоголовый благополучно прошагал четыре ступени познания? Да он и на первой должен был цыплячью шейку свернуть! Это здесь Школяры тянут жребий, а на испытаниях в обычных Школариумах отвечают по всем изучаемым лекциям! Как же он ухитрился четыре раза получить золотых сов?

«Неужели действительно ничего не знает о том, как получают сов Паленькины Чада? — в некотором изумлении подумал Тарик. — Выходит, у них здесь все иначе? Или... (он испугался этакой мысли, но храбро додумал ее до конца) или что-то не так сложилось, и

папашину денежку получил кто-то другой: ну, скажем, захворал внезапно, и в последний миг вместо него пришел Брюзга? То-то на лицах двух остальных мелькнуло потаенное недовольство...»

— Вы хоть понимаете, что дело тут далеко не только — и в первую очередь не только! — в вашей неспособности вложить Школярам твердые знания в юные неокрепшие умы? — Брюзга по-прежнему грохотал так, словно его слушала забитая людьми площадь. — Неучение Школяров мироустройству — это злонамеренная попытка опорочить научные достижения славного королевства Арелат, ставящие его выше соседей! Вам, надеюсь, известно, какие службы нашего королевства занимаются подобными злоумышлениями?

Справа послышался деревянный стук, словно на кухонный пол уронили невеликую вязанку поленьев. Тут уж Тарик не вытерпел, обернулся в ту сторону — как и остальные Школяры. Даже порольщик, казалось дремавший с открытыми глазами, встрепенулся и вытянул шею, приглядываясь...

Провинившийся Титор распростерся на полу, закатив глаза и нелепо откинув руку. Те, меж которыми он сидел, отодвинули стулья так далеко, насколько удалось.

— Ну и слабачки у них в Школариуме... — засмеялся Брюзга. Потряс большим бронзовым колокольчиком и, когда вбежали двое служителей, распорядился: — Вытащите этого пестователя неучей в коридор... и дайте понюхать «вонючей соли», что ли. Я с ним потом поговорю. А ты, пентюх... — он смерил неприязненным взглядом застывшего в круге Школяра, — ступай к той вон лавке! Не ошибешься, она тут одна такая. Если тебе в голову не вложили ума, следует попытаться с другого конца... Живо передвигай ноги!

Школяр поплелся к «кобыле», где оживившийся порольщик посоветовал ему громким шепотом, слышным всем в зале:

— Спускай портки, недоразумение, ложись проворненько...

— И с размаху; с оттягом, как следует! — громко напутствовал Брюзга. — Дюжину горячих — все что могу... к превеликому сожалению!

ОГЛАВЛЕНИЕ

Глава 1. Испытания	3
Глава 2. Долгая дорога домой	18
Глава 3. Что можно увидеть в Городе	37
Глава 4. Тарик все еще идет домой	54
Глава 5. Милая сердцу Зеленая Околица	98
Глава 6. Славная улица Серебряного Волка	124
Глава 7. Радости и печали родной улицы	148
Глава 8. Дома и на родной улице	187
Глава 9. Дела повседневные и приключение	222
Глава 10. Серая Крепость как она есть	254
Глава 11. Манящие паруса и невеселые загадки	279
Глава 12. Тихий вечер и бурная ночь на улице Серебряного Волка	325
Глава короткая, но очень важная	375